

жение зашла в церковь, где служил этот кюре. Приступив к Евангелию, он начал читать его, как обычно, на свой лад и слова «*Quem queritis?*»²⁰² произнес во все горло, а «*Iesum Nazarenum*» – еле-еле слышно. Так он и продолжал его читать до конца. Дама, весьма набожная, начитанная в Священном писании и сведущая в правилах богослужения, пришла от такого чтения в негодование и хотела удалиться из церкви. Но, подумав, решила переговорить с ним и высказать об этом свое мнение. С этой целью по окончании богослужения она велела позвать его к себе, и когда он явился, сказала ему:

– Господин кюре, я не знаю, где это вы так выучились служить в праздники, подобные сегоднешнему, когда все молящиеся должны проникнуться скорбью. Если вас послушать, то пропадет всякое благочестие.

– Как же так, сударыня? – спросил кюре.

– Вы еще спрашиваете? – сказала она. – Да ведь вы читаете Евангелие в противность всякому благолепию. Слова Спасителя вы горланите так, как будто находитесь на базаре, а слова какого-нибудь Каиафы,²⁰³ Пилата или иудеев вы шепчете нежно, словно невеста. Разве так можно? Разве это приличествует священнику? Лишить бы вас за это бенефиции, так вы бы живо поумнели.

Внимательно выслушав ее, кюре ответил:

– Так вот что вы мне хотели сказать, сударыня! Клянусь душой, справедлива пословица, что люди часто судят о том, чего не понимают! Сударыня, я полагаю, что я могу служить не хуже других, и всем известно, что в этом приходе по его средствам чтят бога не хуже, чем за сто миль в окрестности. Я отлично знаю, что другие священники читают Евангелие совсем не так, как я. И я мог бы читать его так же, как они, если бы захотел, но именно они-то ничего в этом и не смыслят. Подобаает ли этим негодьям иудеям говорить так же громко, как Спасителю? Нет, сударыня. И знайте, что я хочу, чтобы в моем приходе господином был Бог, а не кто-нибудь другой, и так будет продолжаться, пока я живу. А другие пусть делают в своих приходах, что хотят.

Дама поняла его нрав и удалилась, предоставив его этим странным убеждениям, и только сказала:

– Подлинно, вы умный человек, господин кюре. Мне часто об этом говорили, но я не верила, пока не убедилась воочию.

Новелла XXXIV

О кюре города Бру, о его служанке, о том, как он стирал белье и как он угостил епископа, его коней и свиту

У кюре города Бру была служанка лет двадцати пяти. Бедная девушка! Она служила ему и днем и ночью. Его подвергли за это церковному суду и заставили платить аменду,²⁰⁴ но все бесполезно. Однажды епископ запретил ему нанимать служанок моложе пятидесяти лет, и тот нанял одну двадцати пяти лет, а другую тридцати лет. Епископ, сочтя этот поступок за *rejoir pçioie*²⁰⁵ из всех его заблуждений, совсем запретил ему нанимать служанок, и кюре был вынужден подчиниться этому запрещению, или, по крайней мере, сделать вид, что подчинился. Но так как он был парнем добрым и веселым, то ему всегда удавалось умиловить епископа. Епископ нередко даже приезжал к нему в гости, ибо он угощал его отличным вином и даже доставлял ему французскую компанию.

Однажды епископ известил его, что он намеревается приехать к нему на ужин через день и так как в последние дни он чувствовал себя не вполне здоровым, то для излечения желудка врачи рекомендуют ему есть только какое-нибудь легкое мясо. Кюре попросил передать ему «добро пожаловать», накупил побольше телячьего и бараньего ливера и, намереваясь угостить им своего

---

²⁰² Кого ищите? (лат.)

²⁰³ Каиафа – первосвященник Иудеи, в доме которого было решено взять Иисуса Христа под стражу и предать суду.

²⁰⁴ Аменда – то есть денежный штраф.

²⁰⁵ Самое худшее (лат.).